

Владимир КОМАРОВСКИЙ
– доктор философских наук,
профессор РАГС

Понимать страну, мир – это значит не просто видеть проблему, но предложить системное решение вопроса, конструктивную технологию, причем не только политическую, но и иные – правовую, социальную, экономическую, которые зачастую оказывают революционизирующее влияние и на политику, и на социальный строй.

Ограничения и возможности конструирования политической идентификации России

Заявленная проблема важна и в теоретическом, и в прикладном плане, потому как затрагивает целый ряд общетеоретических проблем, на которых я, в меру сил и возможностей, постараюсь остановиться.

Реальный прогресс в современном мире невозможен без ясного видения перспектив развития, и прежде всего политической идентификации страны, которая определяет общий смысл жизни нации и государства, служит укреплению чувства солидарности граждан, легитимности политического порядка, задает ценностные координаты политических действий.

С практической точки зрения важно отметить, что те процессы, которые происходят не только в нашей стране, но и в мире в целом, а это: а) миграция и б) глобализация, по-новому ставят ряд проблем, связанных с идентификацией. Не случайно к ней обратилась такая страна, как Великобритания (не говорю об Украине или о вновь образовавшихся государствах, даже Израиле, перед которым эта проблема стоит имманентно). Я полностью согласен с тем, что по этому поводу однажды сказали профессора Александр Галкин и Юрий Красин: перед каждой страной возникает необходимость ответить на вызовы глобализации, а в каком-то смысле, заново самоопределиться. России тоже надо самоопределиться.

Приведу мнение члена-корреспондента РАН, директора Института этнологии и антропологии РАН Валерия Тишкова: «После переустройства основ экономики и политической системы Российская Федерация нуждается в обновлении доктринально-идеологической сферы обеспечения гражданской солидарности и национальной идентичности».

По материалам доклада на методологическом семинаре кафедры политологии и политического управления РАГС.

В конечном счете, самоопределение – это выбор траектории и модели развития. Вот в чем важность этой проблемы.

Для того, чтобы Россия могла жить и развиваться в соответствии со своей внутренней логикой, диктуемой ее историей, культурой, религией, надо прежде всего решить немало внутренних проблем. Притязания на особую роль, статус великой державы требуют материального и духовного подкрепления.

Это мое маленькое введение к проблеме. Теперь по существу. Начну с терминов.

Прежде всего, что такое политическая нация? Это не государство и не население государства – «демос» и даже не просто гражданское общество. Это еще и общность, скрепленная едиными культурно-ценностными узами, единой гражданской идентичностью.

Наряду с термином «политическая идентификация» есть и другие, например «национальная идентичность». Но мне кажется, что нам, политологам, ближе термин «политическая идентификация», хотя бы потому, что таким образом мы ограничиваем свои притязания на спектр проблем, касающихся этой темы, не претендуем на глобальное видение всей проблемы. Ниже я покажу, в чем ограничение нашего подхода.

Теперь по поводу содержания политической идентификации. Обычно выделяют три кластера, которые определяют процесс идентификации:

- воображаемое коллективное «мы», наши принципы, нормы, ценности;
- «мы» и другие нации, государства;
- наше прошлое, его интерпретация.

Подобный подход встречается в работах других авторов. Но вот что касается анализа ограничений и возможности конструирования идентичности, то это уже мое понимание сути проблемы. Это может быть вынесено и в качестве главного тезиса, главного интереса нашего подхода к теме.

Итак, об ограничениях.

Начну с экономических. Сейчас на Западе резко возрос интерес к работам Маркса. Одна из причин связана не столько с пониманием Карлом Марксом природы капиталистической экономики, но и с пониманием взаимоотношений политики и экономики. Мы ранее, как мне кажется, достаточно произвольно и упрощенно толковали подход Маркса к этому вопросу, сейчас идет пересмотр и новое толкование, обозначились новые подходы. Я бы сослался на работу секретаря отделения общественных наук РАН Валерия Макарова, где показана вся совокупность факторов, определяющих развитие экономики. Названы пять групп факторов, которые определяют экономический рост и экономический успех. Но это тема не моя, поэтому я развивать ее не буду, у нас есть достаточно специалистов, которые занимаются ею и могут высказать свою точки зрения.

Главное, о чем, мне кажется, нужно сказать: наша экономика – это то, что в первую очередь ограничивает наши возможности идентифицировать себя, как хотелось бы. Прежде всего, экономика у нас сырьевая. Ее еще называют иногда рентной. Я бы ее назвал еще и неофеодальной. Почему неофеодальной? Потому что основной доход мы получаем из земли, из недр, как при феодализме. А там, где существует феодальное общество, там ни о какой демократии – а это одна из центральных проблем политической науки – речи не идет. Абсолютно не идет. Не зря ни в одной стране, которая живет на сырьевых ресурсах, нет демократического общественного устройства. Исключение – Норвегия, но, как говорят, нет правил без исключений. То есть наша политическая система экономически предопределена, по крайней мере, до тех пор – вот тут я постараюсь быть точным, чтобы быть правильно понятым, – пока экономика останется такой, нам такими и быть политически. Поэтому все упреки в авторитарном режиме и прочее – это разговор ни о чем.

Второе ограничение связано с процессами глобализации. Кризис показал, что глобализация – это не только предмет научных дискуссий, но реальность сегодняшнего дня. Обо всех аспектах кризиса говорить не буду, но на один обращу внимание.

В 1998 году наша экономическая зависимость от других высветилась со всей очевидностью. И это очень важно, ведь самоидентификация предполагает, что мы сами себя определяем и ни от кого не зависим. В 1998 году, когда в России был дефолт, т.е. инфаркт, Америка не чихнула и Запад не чихнул. Зато в 2007 г., когда Америка чихнула, ну, чуть поболее – заболела гриппом, у нас – предынфарктное состояние: потери ВВП 14% (сейчас говорят 10%), как ни в одной другой стране. Вот так вот, мы очень зависимы от других, и зависим в большей, чем другие, мере. Это и задает рамки идентификации. Мы хотели бы одного, а рамки возможности ставят наши ресурсы в иное положение.

Какой общий вывод? Очень спорный вывод, но я его делаю не только на основе приведенного примера, но и всей массы других фактов. Россия – не самодостаточна, чтобы быть такой, какой она хотела бы быть сама по себе, не опираясь ни на какие союзы, ни на каких друзей. Не самодостаточна. В упомянутой передаче Сергей Кургинян сказал, что нам нужно 10 лет, чтобы стать самодостаточными. Я не из тех, кто возражал против этого тезиса. Естественно, каждый из нас этого хотел бы. Как говорится: поживем – увидим.

Третий ограничитель нашей самоидентификации – духовный. Говорят, Россия – это самобытная цивилизация, об этом говорят очень много, книга такая есть, в частности. Но, как мы убедились после окончания холодной войны, мир не стал добрее. Для того чтобы быть самобытной цивилизацией, надо уметь ее отстаивать. В одиночку это накладно. Одна из причин распада СССР как раз заключается в том, что он не смог обеспечить приемлемый уровень жизни своему населению. Это одна из причин распада страны.

Второй аспект проблемы. Идентификация включа-

ет не только прошлую историю, необходимый элемент идентификации, но и сегодняшний день, те вызовы, которые стоят перед страной. Вернемся к Галкину и Красину: новые вызовы – надо заново определяться. Что это за вызовы? В свое время Юрий Андропов, будучи генеральным секретарем ЦК КПСС, сказал: мы не знаем страну, в которой живем. У меня впечатление, что наша политическая элита (и бери выше, как говорят) вообще не понимает и мира, в котором мы живем.

А если нет понимания, что такое современный мир, как в нем можно жить и каково твое место, то, конечно, идентификация – серьезная, проработанная, которая бы взвесила свои ресурсы (наряду с историей, духом народным, культурой и прочее, прочее), невозможна.

Понимать страну, мир – это не то, что просто видеть проблему или предложить какое-то локальное решение. Необходимо предложить системное решение вопроса, т.е. предложить конструктивную технологию, причем не только политическую, но и иные – социальные технологии, которые зачастую оказывают революционизирующее влияние на всё, включая и политику, и социальный строй.

Приведу одно из очень любопытных, на мой взгляд, наблюдений, представленных в книге Фарида Закарии «Будущее свободы». В 1990-х годах глава «Бэнк оф Америка», по происхождению итальянец, начал раздавать акции, не требуя залога. Народ стал их покупать и жить на эти акции. Его вывод: значит, средний класс, а это половина Америки, присоединился к финансовому классу. Уже революция!

Это не мои слова. То есть технологическое новшество капитально изменило социальную структуру страны. Вот что значит предложить чисто технологическое, казалось бы, даже не политическое решение. Если вы не обладаете подобного рода технологиями, если не способны предложить конструктивное решение проблемы, то, конечно, на многое вам рассчитывать не приходится.

Я начал достаточно мрачно, но в действительности не все так пессимистично. Что иное?

Первое. Я сказал, что наша политическая элита и руководство часто не могут предложить конструктивное решение тех проблем и достойных ответов на те вызовы, которые стоят перед страной. Но, должен заметить, что и западная элита тоже сегодня этого не может. Известны работы, в которых показывается, что и Запад не знает ответа даже на вопрос о природе экономического кризиса. Есть три диаметрально противоположные точки зрения, взгляда на этот кризис. А, следовательно, если по-разному оценивается его природа, то и меры по его преодолению могут быть принципиально различными. Статья Петра Дуткевича в «Госслужбе»* на эту тему очень показательна.

Значит, если весь мир сейчас в таком подвешенном состоянии, то у нас есть шанс поучаствовать в формировании новой его архитектуры. Что это за новая архитектура мира? Естественно, я не пытаюсь ответить на этот вопрос. На что обращу ваше внимание? На то, что, по-моему, имеет прямое отношение к нашей теме и чрезвычайно важно.

Я согласен с мнением Владимира Межуева: не в Западную Европу надо России стремиться и не противопоставлять себя ей, а в цивилизацию, которая базируется на общих с Европой, а возможно, и всего человечества универсальных основаниях. Я хочу обратить внимание на универсальные основания.

Что это такое? Если общепризнано, что рынок – достижение общечеловеческое, то, значит, есть какие-то общие правила и нормы, которым надо следовать и которыми надо овладеть. Это первое.

Второе. Глобализация, при всех ее недостатках, проблемах, создала некоторые основания для глобальной этики. Я тут опираюсь на книгу Этциони «От империи к сообществу». Она еще в 2004 г. переведена на русский язык. Что такое глобальная этика? На чем она будет основываться? На консенсусе разных систем ценностей. Уже вырисовывается согласие по ряду ключевых гуманитарных ценностей, представляющих синтез ценностей Востока и Запада. И тут, конечно, у России, как ни у кого другого, есть шансы предложить этот синтез, оформить его.

Один из важных теоретических вопросов, который может вызвать возражения, – это использование мною понятия политической нации, нации-государства, которое точно, как мне кажется, отражает позицию Юргена Хабермаса. Уже приходилось слышать возражения, что у Хабермаса понимается под этим термином моноэтическая нация, а не нация многонационального государства. Это не так.

Во-первых, в этом же направлении работали и наши исследователи, и Гумилев, и Ильин, это положение не является продуктом исключительно западной политической мысли. А во-вторых, есть разные определения нации, разные подходы: с позиций этнических, культурологических и прочих. Хабермас предложил политическую теорию нации, она не заменяет все остальные, но она нам, политологам, ближе, чем другие.

Но теория теорией, а как в реальности? Мы действительно ощущаем себя россиянами, единой нацией? Гражданская идентичность, т.е. принадлежность к нации-государству, реально в нашей повседневной жизни распространена примерно в равных отношениях с национальной идентичностью. То есть и за, и против такого подхода достаточно аргументов может быть и у той, и у другой стороны.

Для науки, конечно, важно не только обрисовать общую картину политической идентификации граждан, но и поэлементно ее представить. Это касается языка и культуры, территории, как общей среды обитания, общего дома, ценностей и образа жизни, исто-

* Научно-политический журнал «Государственная служба», 2009, №4 – ред.

рии, и сейчас включают еще религию. По каждому из этих составляющих есть литература, данные, я их приводить не буду, а сосредоточусь опять-таки на экономике.

Мне думается, одна из самых больших проблем и угроз, которые существуют для нас, – социальное расслоение. Еще Татьяна Ивановна Заславская где-то в середине 90-х говорила, что у России есть две нации, образ жизни, ценности которых не совпадают и не имеют точек соприкосновения. По-моему, это и есть проблема номер один. И не только для России. Социальное расслоение сейчас становится неконтролируемым и в других странах мира.

Институт социологических исследований РАН в 2007 г. выпустил книгу «Свобода, неравенство, братство». Вроде бы братство эту проблему снимает. Но что там написано? «Каждая социальная страта научилась жить собственной жизнью, не обращая внимания на других» (стр.12). Какая тут общая идентификация, какой тут общий дом, если каждый живет своей жизнью?

Следующая проблема – социальной справедливости. Она для России была, наверное, всегда одной из наиболее важных и определяющих наше лицо и наше понимание того, что в жизни хорошо или плохо, куда и к чему мы должны стремиться. Согласно данным того же института, в той же книге, только 10% населения не ощущают социальной несправедливости.

Для того чтобы процесс политической идентификации набрал обороты, нужно ясное видение, кто мы, зачем пришли в этот мир, каковы наши цели (по большому счету, миссия), что можно взять из истории, а что можно опустить.

Россия была и остается одним из мировых лидеров влияния (о чем убедительно свидетельствуют, в частности, результаты работы над проектом «Политический атлас современности» группы специалистов МГИМО, который они реализовали в 2006-2009 годах). Сегодня у страны есть возможность выбора из нескольких альтернатив:

- она может пойти на сближение с Китаем (определенные шаги в этом направлении делаются. Достаточно сказать о строительстве в Сибири трубопровода для поставки энергоносителей в Китай);
- может попытаться «остаться над схваткой» и не вступать в союзнические отношения ни с одним из мировых центров сил – будь это Запад, Китай или исламский мир;
- может «повернуться лицом к Западу», Европе, ЕС в первую очередь.

Какое направление выбрать? Что нового в этом вопросе? Президент Д. Медведев в статье «Россия, вперед!» некоторые положения глобального видения сформулировал, и я на них хотел бы обратить внимание.

Какая главная проблема стоит сейчас перед страной? Тот же кризис показал – конкурентоспособность. Что это такое? Вместе с частью присутствующих на сегодняшнем семинаре мы недавно были в Польше, в Лодзи и видели пустые, забитые двери домов, окна, где не горит свет, видели автобусы, едущие во все страны Европы. Уйма автобусов, которые регулярно развозят людей на работу в другие страны. Кто это сделал? Мировая закулиса? Нет, китайцы. Причем китайцы могли бы сказать – «ничего личного, это бизнес». А как они сделали? Да просто. Лодзь, как вы знаете, еще с царских времен был центром текстильной промышленности, легкой промышленности. Всему положили конец дешевые текстильные китайские товары. Положили намертво. То же самое может ждать и нас с «АвтоВАЗом». Мы туда уже закачали энное количество миллиардов, а если бы не закачали, было бы то же самое – пустой город. Опять-таки, ничего личного – бизнес. Вот что значит неконкурентоспособность.

От чего зависит конкурентоспособность? Приведу еще один близкий нам пример. Как мы оцениваем диссертацию? Во-первых, есть какие-то общие требования: должна быть гипотеза четко сформулирована, объект, предмет исследования, должен быть понятийный аппарат, т.е. какие-то общие требования, общенаучный подход. И должна быть изюминка, что-то свое, иначе тоже малоинтересно.

Так вот, у меня ощущение, что мы так много занимаемся изюминкой, самобытностью, что эти общие правила игнорируем. Рынок есть рынок. Если ты хочешь быть там представлен, то должен выполнять определенные нормы и правила, а мы до сих пор не овладели этими общими нормами и правилами. И главная проблема, которую я уже назвал, проблема идентификации – соотнести, сбалансировать свою «изюминку», то есть свою самобытность, и включить в нее то, что характеризует общие тренды мирового развития в экономике и в других сферах.

В каком мы состоянии? Мне кажется, в самом начале пути. Что выбрали мы, какой путь? Я внимательно прочитал и статью Президента Медведева, естественно, и полемику, которая была в Ярославле*. В чем смысл статьи? Раньше больше всего говорили о демократии: что такое демократия, насколько она нам подходит. Медведев, как мне кажется, повернул диалог в иную плоскость: как к ней идти. Так вот, вывод такой: к либеральной демократии, во-первых, пока не надо особо стремиться. И во-вторых, необходимо вначале решить экономические проблемы, поднять экономику. И особый упор делается на технику. Почти дословно: чем умнее, интеллектуальней, эффективнее будет наша экономика, тем выше станет уровень нашего благосостояния, тем свободнее и справедливей будет наша политическая система, общество в целом. Значит, не просто экономика, а техника.

---

* Международная конференция «Государство и безопасность», 17 сентября 2009 г.

На чем это основан такой подход? Рискну определить и процитировать некоторые выводы, которые сделали Адам Пшеворский и два наших исследователя – Виктор Полторович и Николай Попов. Опыт многих стран (анализировалось больше 60-ти) показал: либеральная автократия или либеральный конституционализм оказывается более эффективным путем на определенном этапе развития, чем либеральная демократия.

Мне кажется, это и есть ответ, в каком направлении мы будем дальше развиваться, с кем идентифицироваться, какие коррективы вносить в свою политику и экономику. Россия сегодня не может стать либеральной демократией западного образца. Даже если бы и захотела. Не в Западную Европу ей нужно стремиться и не к противостоянию с ней, а к овладению общими гуманитарными ценностями, правилами игры на глобальном рынке.

И последняя фраза. Я прочитал одного критика нашего евразийства, он говорил так: у них много правильных вопросов, но нет правильных ответов. Если я хотя бы правильно поставил вопросы, то буду считать свою миссию выполненной.

Алексей МАЛАШЕНКО

Реальности и стереотипы восприятия ислама на Северном Кавказе

О значении ислама для политической обстановки на российском Кавказе написано множество книг и статей. Большинство из них идеологизировано и политизировано, что в нынешней обстановке неизбежно, но мешает адекватному пониманию роли религии в регионе. Некоторые авторы опасаются высказывать свое мнение, предпочитая излагать его в частных беседах. Таким образом, можно говорить о **первой реальности** – сознательном искажении истинного положения дел с исламом.

При всем том не вызывает разногласий **вторая реальность**: на Северном Кавказе религия и политика неразделимы, здесь политизирован весь ислам, все его разновидности – салафизм, тарикатизм, ислам мазхабов.

Реальность третья заключается в том, что в регионе на протяжении двух десятилетий существует оппозиция, в своей идеологии опирающаяся на постулаты ислама, действующая в рамках «исламского призыва». Несмотря на то что наличие этой оппозиции ни у кого не вызывает сомнения, она официально не рассматривается как политическая сила. Федеральная власть, а зачастую и некоторые главы местных субъектов предпочитают именовать эту категорию «бандитами» и «ваххабитами», сознательно или по неведению помещая эти определения через запятую. Таким образом, формируется **стереотип № 1** – исламская оппозиция есть бандиты.

Стремление власти так трактовать исламскую оппозицию объяснимо ее желанием свести политические сложности к заурядным криминальным разборкам: в этом случае силовые методы применяются, дескать, против уголовников, что заведомо оправдывает любые действия. Политический момент, таким образом, выводится за скобки, а с власти, как местной, так и федеральной, пусть частично, но снимается ответственность за положение в регионе.

Стереотип № 1 порождает **стереотип № 2**, суть которого в том, что оппозицию можно победить военным путем. А ведь весь мировой опыт последних десятилетий свидетельствует, что избавиться от религиозной оппозиции, опираясь исключительно на силовые методы, невозможно.

Даже находясь под непрестанным давлением и терпя неудачи, исламисты сохраняют огромный запас политической, человеческой энергии, остаются пружиной, способной решительно распрямиться, дестабилизируя внутреннюю обстановку. Такова **четвертая реальность**.

С другой стороны, есть и **пятая реальность**, которая состоит в том, что исламская оппозиция – не есть некое в чистом виде «классическое» религиозно-политическое движение. Это конгломерат, в котором задействованы также и паразитирующие на исламе криминальные структуры. И можно в известной степени понять представителей силовых структур, которые далеко не всегда представляют, кто в данный момент им противостоит с «калашниковым» в руках – честный религиозный фанатик или выходец из уголовного мира, отстаивающий свои меркантильные интересы. (Хотя, конечно, за годы междоусобицы в регионе правоохранительные органы были обязаны научиться тому, как различать своих оппонентов и каким образом действовать против каждого из них.)

Шестой реальностью и одновременно **стереотипом № 3** являются северокавказские ваххабиты. Само применение к кавказским оппозиционерам такой дефиниции выглядит условно. К возникшему еще в XVIII в. ваххабизму они имеют весь-

Алексей МАЛАШЕНКО
– доктор исторических наук, профессор

По материалам доклада на заседании Эльбрусского научного клуба по теме «Социально-политическая стабильность на российском Кавказе: этноконфессиональное измерение».